

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII-ГО ВѢКА И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ НА ИХЪ СОЧИНЕНІЯ *).

III, IV, V.

Братья Карины.

Три брата Карины происходили изъ хорошаго дворянскаго рода. Они получили съ-молоду хорошее образованіе и принадлежали къ первой по времени категоріи свѣтскихъ юношей, принявшихъ участіе въ литературномъ движеніи, которое заявило себя почти одновременно около эпохи восшествія на престолъ Екатерины II.

А) Александръ Григорьевичъ Каринъ, старшій изъ братьевъ, учился въ московскомъ университетѣ въ первые годы его существованія (Ист. Имп. Моск. Унив., стр. 48 и Др. Слав., стр. 40), и былъ тамъ товарищемъ Фонъ-Визина, съ которымъ былъ и нотомъ пріателемъ (Соч. Ф.-Виз., изд. Ефр., стр. 373). Новиковъ говорить, что Каринъ зналъ хорошо нѣкоторые иностранные языки, имѣлъ отличную бібліотеку и былъ большой любитель литературы, и что мелкія его стихотворенія печатались въ журналахъ: „Полезное увеселеніе“ и „Свободные часы“, которые издавались въ 1760—1763 годахъ, въ Москвѣ, какъ извѣстно, Херасковымъ (Ист. Имп. Моск. Ун., стр. 93), и что (ненапечатанная) комедія его „Россіянинъ, возвратившійся изъ Франціи“ хороша, а трагедія „Антигона“ (по указанію Слов. мит. Евг., ч. I, стр. 275) осталась неконченною (Мат. для Ист. Русск. лит. Ефр., стр. 49).

А. Г. Каринъ былъ старшимъ изъ молодыхъ дворянъ, вахмистровъ конной гвардіи, принявшихъ дѣятельное участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II, которая произвела его, 3 августа 1762 года, въ корнеты въ тотъ же полкъ, вмѣстѣ съ прочими товарищами (Полн. спис. шеф., полк. ком. и оф. л.-г. конн. п., стр. 55). Каринъ умеръ молодымъ человѣкомъ, будучи подпоручикомъ конной гвардіи. Смерть постигла его 22 сентября 1769 года, въ Саратовѣ, куда онъ былъ посланъ по дѣламъ соляной конторы (Ibid.), согласно тогдашнему обычаю посылать гвардейскихъ офицеровъ въ важныя и довѣренныя командировки.

Вотъ отдѣльно изданія произведенія А. Г. Карина:

1. Графъ Карамелли, драма въ 3 дѣйствіяхъ, пер. съ итальянскаго; Моск. 1759 г. (Соп. № 3637; у Ш. нѣтъ; См., № 7482; въ Др. Сл., стр. 40, сказано, что это „драма комическая на музыкѣ“, переведена, когда Каринъ учился въ университетѣ и въ 1759 году играна на московскомъ театрѣ).

2. Ода на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1759. (Соп., № 7172; у Ш. и См. нѣтъ).

*) См. Русскую Старину 1870 г. т. I стр. 463—470.

3. Ода на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II. Спб. 1762. (Соп., № 7254; у Пл. и См. нѣтъ).

Б. Николай Григорьевичъ Каринъ, средній изъ братьевъ, учился въ московскомъ университетѣ въ первое время его существованія (Ист. Имп. Моск. Ун., стр. 48). Онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ конной гвардіи въ корнеты того же полка 19 апрѣля 1765 г., въ одинъ день съ Александромъ Семеновичемъ Васильчиковымъ, который былъ потомъ (1772—1774) любимцемъ Екатерины II. (Полн. спис. шеф., полк. ком. и оф. л.-г. кон. пол., стр. 62). Новиковъ говорить, что онъ имѣлъ тѣ же склонности, какъ его старшій братъ, печаталъ стихи въ тѣхъ же журналахъ и умеръ въ 1768 году поручикомъ (вѣроятно, — подпоручикомъ) конной гвардіи. (Мат. Ефр. стр. 49).

Мнѣ извѣстно одно отдѣльно напечатанное произведеніе Н. Г. Карина:

Письма Іорнѣа къ Элизѣ, съ отвѣтами; соч. Л. Стерна, пер. съ фр., съ фронтисписомъ и портретомъ. Моск. 1795. (Соп., № 8155; у Пл. и См. нѣтъ. Должно полагать, что въ указаніи года у Соп. ошибка; или же книга напечатана 27 лѣтъ послѣ смерти переводчика; полагаю, что она вышла въ 1765 году, а не въ 1795).

В. Ѳедоръ Григорьевичъ Каринъ, младшій изъ братьевъ, по указанію Новикова, былъ отставной офицеръ (у митр. Евг., въ Слов. ч. I, стр. 276 — сказано, что онъ былъ поручикъ арміи), имѣлъ тѣ же вкусы, какъ его братья, печаталъ также мелкія стихотворенія и перевелъ успѣшно нѣсколько хорошихъ книгъ (Мат. Ефр., стр. 49). Митрополитъ Евгенийъ говорить, что Ѳ. Г. Каринъ умеръ въ 1800 году, оставивъ сочиненную имъ „Граматику“ неизданною, и что имъ переведены, между прочимъ, нѣкоторые „Панегрики“ Томаса (Сл. св. пис., ч. I, стр. 276); но кажется они тоже не были изданы, по крайней мѣрѣ особо. Годъ же его смерти обозначенъ тутъ невѣрно, какъ показано будетъ ниже.

Ѳ. Г. Каринъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Голицыной, умершей въ 1813 году (Рос. род. вн. Кн. П. В. Долг., ч. I, стр. 293). Она была одною изъ дочерей отъ третьяго брака съ Аграфеной Алексѣевной Хвостовой, того князя Михаила Алексѣевича Голицына (род. 1689, ум. 1775), который былъ шутомъ при дворѣ императрицы Анны и котораго вторая женитьба на калмычкѣ Авдотѣ Ивановнѣ Бужениновой (род. 1710, ум. 1742) праздновалась въ началѣ 1740 года въ ледяномъ домѣ на Невѣ (Ibid., стр. 290).

Отдѣльно изданныя произведенія Ѳ. Г. Карина суть слѣдующія:

1. Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованіемъ разсужденію о преступленіяхъ и наказаніяхъ; пер. съ фр. Спб. 1769. (Соп., № 2188; у Пл. нѣтъ; См., № 2153).

2. Нравоучительныя мнѣнія, взятая изъ свойствъ графини Марьи Владиміровны Салтыковой. Спб. 1770. (Соп., № 6253; у Пл. и См. нѣтъ).

3. Слово на торжество мира, заключеннаго Россією

съ Портою Оттоманскою. М. 1775. (Соп., № 10,814; у Пл. и См. нѣтъ).

4. Письмо къ Г. Николеву на смерть Г. Сумарокова, заключающее въ себѣ разсужденіе о словесности вообще и о Россійскомъ языкѣ. М. 1778. (У Соп., Пл. и См. нѣтъ. Указано митр. Евгеніемъ въ Слов. св. пис., ч. 1, стр. 276).

5. Слово на открытіе Владимірскаго Намѣстничества. М. 1779. (Соп., № 10,817; у Пл. и См. нѣтъ).

6. Ифигенія, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Расина. М. 1796. (Соп., № 11,908; Пл., № 6161; См., № 6911. Имя переводчика у нихъ не обозначено, но оно указано у Евг., въ Слов. св. пис., ч. I, стр. 276).

Подъ старость Ѳ. Г. Каринъ, живя въ Москвѣ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, пользовался репутаціею отчаяннаго „Вольтерьянца“, такъ же какъ пріятель его: извѣстный сатирикъ князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ (род. 1 января 1758, ум. 29 ноября 1824) и Ѳедоръ Николаевичъ Карцовъ, великій поклонникъ генія Вольтера и переводчикъ множества сочиненій его въ стихахъ, оставшихся неизданными, такъ же какъ переводы его изъ Буало и другихъ французскихъ поэтовъ (Дневн. студента, 1805—1806 годовъ, стр. 70 и 98).

VI, VII.

Братья Нарышкины.

Семень и Алексій Васильевичи Нарышкины были сыновьями генераль-поручика Василя Васильевича Нарышкина, отъ перваго брака его съ княжной Прасковьею Ивановной Сонцевой и внуками Василя Григорьевича Нарышкина, женатаго на Стрѣшневой, внучатнаго брата царицы Натальи Кириловны и внука боярина Филимона Ивановича. Братъ Василя Григорьевича, Семень Григорьевичъ, генераль-аншефъ и александровскій кавалеръ, былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексія и сосланъ въ дальнюю деревню, откуда возвращенъ былъ Екатериною I во дворъ и умеръ въ 1747 году (Изъ неизд. извѣстій о родѣ Нарышкиныхъ).

Братья Нарышкины были по лѣтамъ сверстники императрицы Екатерины II, или немногимъ моложе ея; образованіе получили они по своему времени отличное и принадлежали къ той небольшой фалангѣ молодыхъ людей, которые, вслѣдъ за Херасковымъ, выступили на поприще юной тогдашней журналистики.

А. Семень Васильевичъ Нарышкинъ служилъ съ 1766 года въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, эзекуторомъ 1-го департамента правительствующаго сената, въ каковой должности мы видимъ его въ 1767 (Показ. знатн. въ гос. чиновъ, стр. 17) и 1772 (Мат. Ефр., стр. 74 и 137) годахъ. Наконецъ въ 1776 году онъ былъ пожалованъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, вице-президентомъ Бергъ-Коллеги (Ф. Виз., изд. Ефр., стр. 384, пр.), на мѣсто Хераскова. Въ депутатской комиссіи 1767 года С. В. Нарышкинъ былъ членомъ отъ дворянства Михайловскаго уѣзда тогдашней Московской (нынѣ Рязанской) губерніи (Спис. деп., въ „Русск. Вѣстн.“ 1861, кн. 12,

прилож. стр. 11, подъ № 34) и присутствовалъ въ частной комиссіи „О среднемъ родѣ людей“ (Ibid., стр. 71). Въ комиссіи С. В. Нарышкинъ поддерживалъ мысль объ отдѣленіи родовыхъ дворянъ отъ тѣхъ, которые дослуживаются до офицерскихъ чиновъ, не будучи родомъ изъ дворянъ и подавъ о томъ письменное мнѣніе. (Ист. свѣд. о Екат. Ком. для соч. проекта нов. ул., ч. I, стр. 155 и 205). Новиковъ приписываетъ ему сочиненіе комедіи „во вкусѣ Дидеротовомъ“ Истинное постоянство, и упоминаетъ о томъ, что первые его произведенія въ стихахъ и переводы въ прозѣ помѣщались въ журналахъ, издававшихся Херасковымъ и Академіею (Ibid., и Ист. Имп. Моск. ун., стр. 93). Въ 1767 году онъ принималъ участіе въ „Переводахъ изъ Энциклопедіи“ выходившихъ въ Москвѣ небольшими частями, гдѣ помѣщены въ его переводѣ двѣ статьи: „Экономія“ и „Право естественное“ (Соврем., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75 и Соп., № 8100). С. В. Нарышкинъ былъ женатъ на Марьѣ Ивановнѣ Салтыковой (род. 23 января 1738, ум. 5 мая 1807), дочери генераль-аншефа Ивана Алексѣевича (ум. 1773). Она была сестрою: а) Натальи Ивановны Мельгуновой, второй жены извѣстнаго генераль-аншефа Алексѣя Петровича (ум. 1788), бывшаго намѣстникомъ въ Вологдѣ и Ярославлѣ; и б) извѣстнаго фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова (род. 31 октября 1736, ум. 16 мая 1816), воспитателя императора Александра I. Онъ умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника (Рос. род. кн. Кн. П. Долг., ч. II, стр. 76 и 78), не оставивши, кажется, потомства. Время кончины его мнѣ неизвѣстно.

Отдѣльно изданныя произведенія С. В. Нарышкина суть слѣдующія:

1. Слово о началѣ и перемѣнахъ Россійскихъ законовъ, соч. Штрубе де Пирмонтъ. Пер. съ фр. Спб. 1756. (Соп., № 10,720; у Пл. и См. нѣтъ).

2. Эпистола императрицѣ Екатеринѣ II. Спб. 1765. (Соп., № 3739; у Пл. и См. нѣтъ. Вѣроятно въ означеніи года у Соп. опечатка и „Эпистола“ эта появилась ранѣе 1765 года).

3. Эпистола къ императрицѣ Екатеринѣ II. Спб. 1765. (Соп., № 3750; у Пл. и См. нѣтъ).

4. Письмо къ народу Г. Томаса и разговоръ бѣдности съ истинною; пер. съ фр. Спб. 1772. (Соп., № 8223).

Б. Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, меньшей братъ предыдущаго, началъ, такъ же какъ и онъ, свое стихотворческое поприще въ Херасковскихъ журналахъ (Мат. Ефр., стр. 75 и 137) и въ 1771 году путешествовалъ за границей (Ibid.). Онъ также участвовалъ въ изданіи въ 1767 году „Переводовъ изъ Энциклопедіи“, гдѣ помѣщены двѣ статьи, имъ переведенныя: „Нравоученіе“ и „Посредственность“ (Совр., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75 и Соп., № 8100). Въ 1767 году онъ состоялъ генеральсъ-адъютантомъ майорскаго чина по инженерному корпусу при графѣ Гр. Гр. Орловѣ (Показ. знатн. въ гос. чиновъ, стр. 71) и въ этомъ качествѣ сопутствовалъ ему, когда графъ сопровождалъ Екатерину въ знаменитомъ ея путешествіи по Волгѣ, во время котораго переведенъ былъ императрицею и ея свитою Мармонтелевъ „Велисарій“, котораго главы 7 и 8 переведены А. В. Нарышкинымъ (Дворъ и зам. люди, соч.

Вейдемейера. ч. I, стр. 67, въ прим.). Сейчасъ послѣ этого путешествія А. В. Нарышкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Въ Депутатской комиссіи 1767 года А. В. Нарышкинъ былъ членомъ отъ дворянства Старицкаго уѣзда тогдашней Московской (нынѣ Тверской) губерніи (Спис. Деп. въ „Русск. Вѣст.“, 1861, кн. 12, Прилож., стр. 21, подъ № 159) и присутствовалъ въ частной комисіи „Объ общемъ правѣ“ (Ibid., стр. 73). Въ 1785 году мы видимъ его тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, камергеромъ, и 22-го сентября получили Анненскую ленту (Истор. собр. списк. кав. четыр. Рос. имп. орд., стр. 325). Въ 1787 году, октября 2-го онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорской Россійской Академіи (Имен. спис. дѣйств. и почот. чл. Имп. Рос. Акад. по 1836 годъ, стр. 9, подъ № 64). А. В. Нарышкинъ скончался въ 1804 году (Ibid.) и вѣжета женаты не былъ.

Изъ сочиненій А. В. Нарышкина напечатаны отдѣльно:

1. Ода на день тезоименитства императрицы Екатерины II. Спб., 1763. (Соп., № 7165; у Пл. и См. нѣтъ).

2. Ода на день тезоименитства императрицы Екатерины II. Спб., 1765. (Соп., № 7309; у Пл. и См. нѣтъ).

Нельзя не выразить здѣсь желанія, чтобы издана была полная и обстоятельная родословная фамилія Нарышкиныхъ; недостатокъ ея составляетъ большое неудобство при розысканіяхъ о нашемъ прошедшемъ. Надо желать, чтобы оно было скорѣе устранено кѣмъ либо изъ членовъ этой фамиліи, имѣющимъ эту родословную.

VIII и IX.

Супруги Ржевскіе.

А. Алексѣй Андреевичъ Ржевскій происходилъ изъ стариннаго рода и принадлежалъ къ одному поколѣнію съ Нарышкиными. Онъ напечаталъ множество мелкихъ стихотвореній и участвовалъ въ журналахъ Хераскова „Полезное увеселеніе“ и „Свободныя часы“ въ 1760—1763 годахъ (Ист. Имп. Моск. ун., стр. 93). Въ 1767 году онъ участвовалъ въ московскомъ изданіи „Переводовъ изъ Энциклопедіи“, гдѣ напечатаны его переводы статей: а) „Исторія“, б) „Одежды Римлянъ“ и в) „Гамакъ“ (Соврем., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75). Въ томъ же году пожалованъ онъ былъ камеръ-юнкеромъ, принявъ участіе въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, какъ депутатъ отъ гражданъ города Воротынска, Московской губерніи, что нынѣ посадъ Калужской губерніи (Списокъ Деп., „Русск. Вѣстн.“ 1861, кн. 12, въ Прилож., стр. 15, подъ № 83), и участвовалъ, по предложенію маршала А. И. Бибикова, въ частной комиссіи „О полиціи“ (Ibid., стр. 72). А. А. Ржевскій написалъ не напечатанную, но игранную въ 1769 году трагедію „Смердїи и Прелеста“ (Мат. Ефр., стр. 94 и 138 и Слов. Евг., ч. II, стр. 145). Въ 1772 году А. А. Ржевскій, за отъѣздомъ директора Академіи Наукъ графа В. Г. Орлова, въ чужіе края, правилъ его должность (Матер. Ефр., стр. 94), а въ 1783. году, октября 21, вступилъ въ число членовъ, первоначально оставившихъ Россійскую Академію при самомъ ея основаніи (Имян.

спис. дѣйств. и поч. чл. Имп. Рос. Ав. по 1836 годъ, стр. 4, подъ № 11), и былъ президентомъ Медицинской коллегии (Ibid.). Въ 1785 году онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, камергеромъ и сенаторомъ и 22 сентября получилъ Анненскую ленту (Ист. соб. сп. кав. четыр. Рос. имп. орд., стр. 325). А. А. Ржевскій продолжалъ до старости заниматься литературой; въ 1789 году онъ поднесъ Екаторинѣ II какую-то оду своего сочиненія, которую императрица похвалила (Зап. Храпов. 9 и 31 октября 1789). А. А. Ржевскій занималъ въ 1794 году и выборную должность, тогда очень почетную, совѣстнаго судьи въ Петербургѣ (Зап. Держ., стр. 356), а подъ конецъ жизни былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и александровскимъ кавалеромъ, и умеръ въ маѣ 1804 года (Рос. род. книга Кн. П. Долгор., ч. IV, стр. 32, подъ № 121). А. А. Ржевскій занималъ видное мѣсто между первыми масонами своего времени (1773). Онъ носилъ потомъ въ орденахъ, по Вильгельмсбадской организаціи, имя „eques a bona spe“ (1782), принадлежалъ къ ложѣ „Латаны“ и къ „теоретическому градуу Саломоновыхъ наукъ“ (1783), а наконецъ былъ, какъ говорятъ, и розенкрейцеромъ (Новиковъ и Моск. Мартинисты, стр. 98, 177, 197, 198, 214, 218 и 291). Онъ былъ женатъ два раза: 1) на Александрѣ Ѳедотовнѣ Каменской (род. 19 августа 1740, ум. 17 апрѣля 1769), сестрѣ извѣстнаго фельдмаршала Михаила Ѳедотовича (впослѣдствіи графа) Каменскаго (род. 8 мая 1738, ум. 12 августа 1809), отъ которой дѣтей не имѣлъ и 2) на Глафирѣ Ивановнѣ Алымовой, одной изъ наиболее любимыхъ Екаториной II воспитанницъ перваго выпуска Смольнаго монастыря 1776 года, вышедшей послѣ смерти А. А. Ржевскаго замужъ за камергера Иполита Петровича Маскле, переводчика басенъ Крылова на французскій языкъ. Отъ второго брака А. А. Ржевскій имѣлъ дочь, г-жу Свистуну и трехъ сыновей, изъ которыхъ второй, камергеръ Павелъ Алексѣевичъ (ум. 1852), принадлежалъ къ московскому литературно-свѣтскому кружку Алексѣя Михайловича и Василя Львовича Пушкиныхъ, князя Петра Андреевича Вяземскаго и др.; В. Л. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ одномъ изъ своихъ посланій (Соч. В. Пушк., изд. Смирд., стр. 29. Рос. Родосл. книга кн. П. Долг. ч. IV, стр. 32 и 33). Второй бракъ А. А. Ржевскаго съ Г. И. Алымовою былъ очень счастливъ и Державинъ, который былъ, такъ же какъ и первая жена его, въ большой дружбѣ съ Ржевскими, описалъ въ 1780 году ихъ благополучіе въ одѣ „Счастливое семейство“ (Соч. Держ., изд. Грота, т. I, стр. 107 и т. III, стр. 597). Но впослѣдствіи, именно въ 1794 году между А. А. Ржевскимъ и Державиннымъ возникли несогласія по поводу участія ихъ въ спорѣ между В. А. Всеволожскимъ и поэтомъ И. И. Дмитриевымъ по наслѣдству, оставшемуся послѣ смерти бывшаго любимца императрицы Елисаветы, Никиты Аванасьевича Бекетова (род. 8 сентября 1729, ум. 9 іюля 1794). Кажется, впрочемъ, что Державинъ и Ржевскій потомъ помирились (Зап. Держ., стр. 356).

Замѣчательно сходство карьеры А. А. Ржевскаго съ тою, которая выпала на долю Алексѣя Васильевича Нарышкина (см. выше, VII); они всю жизнь шли такъ сказать рядомъ, и умерли въ одномъ и томъ же 1804 году.

Изъ произведеній А. А. Ржевскаго слѣдующія показаны въ нашихъ каталогахъ напечатанными особо:

1. Ода на день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II. Спб., 1762. (Соп., № 7256; у Пл. и См. нѣтъ).

2. Ода на день рожденія императрицы Екатерины II. Спб., 1763. (Соп., № 7166; у Пл. и См. нѣтъ).

3. Ода его императорскому величеству императору Александру Павловичу, на всевождедѣннѣйшій день восшествия на всероссійскій престолъ. Спб., 1801. (У Соп. и Плав.—нѣтъ; Смирд., № 7876).

Б. Александра Ѳедотовна Ржевская, первая супруга предыдущаго, о которой уже упомянуто выше, была пятая изъ дочерей генераль-майора Ѳедота Михайловича Каменскаго, отъ брака его съ Анною Алексѣевною Зыбиною (Рос. Род. книга Кн. П. Долг., ч. II, стр. 190). Она занималась живописью и музыкой; знала очень хорошо по-французски и итальянски и сочиняла на русскомъ языкѣ. Книга ея „Кабардинскія письма“ осталась неизданною. Нѣкоторые изъ ея стихотвореній помѣщены въ выходившихъ въ Москвѣ журналахъ, вѣроятно тѣхъ, которые издавалъ въ 1760—1763 годахъ Херасковъ. Къ сожалѣнню, она скончалась, какъ сказано выше, на 29 году жизни. Неизвѣстный стихотворецъ написалъ ей надгробіе, въ которомъ говорится о ея талантахъ и качествахъ (Матер. Ефр., стр. 93 и Слов. Свѣтск. пис. Евг., ч. II, стр. 144).

Необходимо замѣтить, что Алексѣя Андреевича Ржевскаго не должно смѣшивать, какъ это иногда бываетъ (см. напр. соч. Держ., изд. Академіи, т. I, стр. 794) съ камергеромъ двора Екатерины II, Александромъ Ильичемъ Ржевскимъ (род. 13 августа 1726, ум. 11 октября 1809), который былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Орловыхъ при возведеніи на престолъ Екатерины II, когда онъ былъ еще поручикомъ конной гвардіи и отерыл потомъ заговоръ Хитрова. Александръ Ильичъ не имѣлъ ничего общаго съ литературой (См. о немъ въ Рос. Род. книгѣ Кн. П. Долг., стр. 32, подъ № 125 и Рус. Арх., 1864 г., изд. 2, стр. 403 и 1867, книга IV, стр. 483).

Михаилъ Лонгиновъ.

Примѣчаніе. Считаемо не лишнимъ замѣтить, что поэты: А. В. Нарышкинъ и А. А. Ржевскій, усердно воспѣвавшіе Екатерину II, воспѣвали, и притомъ весьма восторженно, ея супруга, Петра III, во время кратковременнаго царствованія этого государя. Выдержки изъ ихъ одъ, напечатанныхъ въ журналѣ Полезное увеселеніе 1762 г., приведены въ статьяхъ пишущаго эти строки: „Очеркъ царствованія императора Петра III.“ (Отечеств. Записки. 1867 г., кн. VIII стр. 757, 772—776 и кн. IX стр. 89—93). Какъ Нарышкинъ, такъ и Ржевскій особенно славилъ Петра III за освобожденіе дворянъ, уничтоженіе тайной канцеляріи и за прочія его реформы. Отдѣльныхъ изданій этихъ одъ—не было, да и послѣ восшествия на престолъ Екатерины II—таковыя изданія были бы не удобны для самихъ авторовъ.

Ред.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII ВѢКА И БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ОБЪ ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ *).

X.

Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Служебная карьера Г. Н. Теплова такъ извѣстна, что не для чего излагать ее слишкомъ подробно. Ограничиваюсь приведеніемъ главныхъ ея чертъ и тѣхъ подробностей о немъ, которыя малоизвѣстны или вновь мною выяснены.

Г. Н. Тепловъ родился около 1720 года. Онъ учился въ какой-то школѣ въ Петербургѣ и посланъ былъ благодѣтельствовавшимъ ему архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ доучиваться за границу; по возвращеніи же оттуда поступилъ въ 1736 году студентомъ, а потомъ переводчикомъ при Академіи Наукъ. Извѣстно, что въ 1740 году онъ чуть не пострадалъ по дѣлу Волинскаго, но умѣлъ какъ-то спастись. Въ 1741 году онъ былъ пожалованъ въ адъюнкты Академіи и по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы успѣлъ понравиться любимцу ея, графу Алексію Григорьевичу Разумовскому. Когда графъ отправилъ брата своего, Кирилу Григорьевича, въ чужіе края для его образованія, то приставилъ къ нему Г. Н. Теплова, какъ молодого человѣка знающаго науки и отличнаго музыканта, и далъ ему подробную инструкцію о наблюденіи за нимъ (Москвит. 1852, кн. II, стр. 5). Они три года (1743—1746) провели въ заграничномъ путешествіи (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1836, ч. IV, стр. 133 и др. біогр. Тепл.). 11 іюля 1746 года графъ К. Г. Разумовскій пожалованъ былъ президентомъ Академіи Наукъ, а въ 1750 гетманомъ Малороссіи. Г. Н. Тепловъ, пользуясь неограниченнымъ его довѣріемъ, состоялъ при немъ постоянно и всевластно руководилъ имъ въ управленіи какъ тою, такъ и другою, что продолжалось до уничтоженія гетманства въ 1764 году (Ibid., и Русск. Арх., 1866, стр. 582). Г. Н. Тепловъ подалъ при императрицѣ Елизаветѣ мысль о прикрѣпленіи къ землѣ крестьянъ въ Малороссіи, для избѣжанія праздношатапія въ народѣ (Опытъ улучш. быта крестьянъ, соч. Г. Н. Теплова, 1870, стр. 26, и пр.). Въ царствованіе Петра III онъ навлекъ на себя вторично бѣду неосторожными словами на его счетъ и опять былъ арестованъ, но успѣлъ и тутъ какъ-то вывернуться и даже получить чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, хотя считался въ отставкѣ (Ibid.). Тогда онъ присталъ окончательно къ партіи враждебной Петру (Зап. кн. Долг., гл. IV), принявъ участіе въ переворотѣ 28 іюня 1762 и сочинилъ знаменитый „обстоятельный манифестъ“ 6 іюля 1762 о восшествіи на престолъ Екатерины II (онъ перепечатанъ въ сборн. „XVIII вѣкъ“, кн. IV, стр. 216), гдѣ чрезвычайно жестоко выставлены обвиненія противъ Петра III (Зап.

*). См. «Русскую Старину», т. I, стр. 463—470, и т. II, стр. 74—81.

Штелина, въ сборн. „Утро“, 1868, кн. III, стр. 362). Г. Н. Тепловъ находился въ Ропшинскомъ дворцѣ 6 іюля 1762, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ и княземъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Борятинскимъ, когда произошла кончина Петра III. Тогда же принятъ онъ былъ на службу и получилъ единовременно 20.000 рублей (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 404). Съ этихъ поръ сталъ онъ отставать отъ Разумовскаго и хотя продолжалъ давать ему совѣты, но не въ пользу ему. Онъ сдѣлался клеветникомъ Орловыхъ и сталъ дѣятельно заниматься важными государственными дѣлами на глазахъ у самой императрицы. Внушеніями же своими довелъ онъ Разумовскаго до того, что послѣдній сталъ мечтать объ учрежденіи наследственнаго въ своемъ семействѣ достоинства гетмана Малороссіи, чтѣ и было причиною совершеннаго упраздненія этого званія въ 1764 году („Семейство Разум.“, соч. Васильч. стр. 218—221). Между тѣмъ, Тепловъ все болѣе и болѣе возвышался по службѣ. Съ 1762 года онъ сдѣлался членомъ Комиссіи о духовныхъ книгъ; 1 апрѣля 1763 опредѣленъ быть „у собственныхъ дѣлъ ея величества и у принятія челобитенъ“ и затѣмъ вскорѣ членомъ Комиссіи о коммерціи. 22 сентября 1765 получилъ онъ анненскую ленту; въ 1767 году чинъ тайнаго совѣтника, потомъ былъ онъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ петербургскаго воспитательнаго дома (Соч. Ф.-Виц., изд. Ефр., стр. 405), а въ 1775 іюля 10 пожалованъ александровскою лентою и званіемъ сенатора (Слов. дост. люд. В. Кам., 1836, ч. V, стр. 136; Ист. Собр. спис. Кав. чет. Рос. Имп. Орд., его же, стр. 224 и 304; Адр. календ. 1767, стр. 11, 121 и 122). Г. Н. Тепловъ преподавалъ одно время политическія науки наследнику престола Павлу Петровичу (Russ. Günstl., стр. 316), въ общество котораго онъ допускаемъ былъ часто еще во время его малолѣтства (Зап. Порошина). Г. Н. Тепловъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ и Художествъ и ученой Мадридской (Слов. В. Кам., 1836, ч. V, стр. 137). Г. Н. Тепловъ написалъ, „Каталогъ Кабинета естественной исторіи“, „Россійскую географію для Ѳеофановой семинаріи и переводъ сатиры Кантамира на латинскій языкъ“; но послѣдніе два труда его не изданы (Ibid., и Сл. митр. Евг., ч. II, стр. 207). Кромѣ того имъ сочинено множество важныхъ проектовъ, постановленій и пр. по разнымъ частямъ. У Г. Н. Теплова служилъ секретаремъ Ѳеодоръ Васильевичъ Ушаковъ, котораго Екатерина II называла его «вскормленникомъ» (Русск. Арх., 1864, стр. 446) и который учился потомъ въ Лейпцигѣ съ извѣстнымъ Радищевымъ, написавшимъ его біографію („XVIII Вѣкъ“, кн. II, стр. 296). Познанія и занятія Г. Н. Теплова были весьма разнородны. Онъ много занимался, напримѣръ, музыкой, а также домоводствомъ, строителствомъ, садоводствомъ и лѣснымъ хозяйствомъ въ превосходномъ и большомъ имѣніи своемъ селѣ Молодовомъ, Орловской губерніи, Карачевского уѣзда, гдѣ дѣлъ домынъ огромный каменный его домъ съ обширными службами, садомъ, превосходными фамилными портретами, старинной утварью, большимъ архивомъ и бібліотекою, достойною просвѣщеннаго человѣка той эпохи, въ чемъ я имѣлъ случай лично удостовѣриться, посѣщая живущаго тамъ имѣя родного внука его, Григорія Алексѣевича Теплова. Въ

1763 году Г. Н. Тепловъ снялъ, какъ мнѣ извѣстно, съ Василіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ, табачную монополію въ Малороссіи, выданную при Елизаветѣ графу Шувалову, и много способствовалъ разведенію тамъ разныхъ сортовъ табаку, что было поручено ему самою императрицею (Сл. св. пис. Евг., ч. II, стр. 207). Г. Н. Тепловъ не даромъ заслужилъ славу одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ скончался 30 марта 1779 года. Онъ былъ женатъ два раза: 1) на шведкѣ, имя которой мнѣ неизвѣстно. Она умерла въ 1752 году. Отъ нея были у него, если не ошибаюсь, только дочери. Старшая изъ нихъ, Анна Григорьевна, была за полковникомъ Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ (Р. Арх., 1869, стр. 217). 2) На Матренѣ Герасимовнѣ Стрѣшнцовой, двоюродной племянницѣ гетмана Разумовскаго (г. Васильчиковъ въ своемъ изслѣдованіи „Семейство Разумовскихъ“, стр. 120, въ примѣчаніи говоритъ, что въ 1752 году умерла вторая жена Теплова; но это могло бы быть справедливо только тогда, если бы шведка, упомянутая выше, была не первою, а второю его женою, а Стрѣшнцова третьею, ибо сія послѣдняя, по показанію самого же автора на стр. 156, была жива еще въ 1757 году). М. Г. Теплова была одно время, именно въ 1756—1757 году, предметомъ страсти наслѣдника престола Петра Федоровича (Mém. de l'Imp. Cath. II, p. 248, 250, 276). Отъ второго брака Г. Н. Тепловъ имѣлъ сына Алексѣя Григорьевича, который учился съ 1765 года за границей и слушалъ, между прочимъ, лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ, былъ тоже отличный музыкантъ и человѣкъ весьма просвѣщенный, и умеръ въ 1828 году тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ (Слов. дост. люд., В. Кам., 1836, ч. V, стр. 137 и Русск. Арх., 1866, стр. 315). Три сына сего послѣдняго находятся нынѣ въ живыхъ.

Отдѣльно изданные труды Г. Н. Теплова суть слѣдующіе:

1. Ода на новыи 1738 годъ. Спб. 1738 (Соп., № 7014 у Пл. и См. нѣтъ). Я полагаю, что это есть отдѣльное изданіе русскаго перевода, сдѣланнаго Тепловымъ съ латинской оды Тауберта, помѣщенной въ „Примѣчаніяхъ къ Академическимъ Вѣдомостямъ“ и упоминаемой въ „Сборникѣ матеріаловъ для ист. имп. Ак. Наукъ“ г. Куника, ч. I, стр. 83, прим.

2. Рѣчи, которыя читаны были въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Академіи Наукъ 29 апрѣля 1742. Пер. съ латинскаго. Спб. 1742 (Соп., № 9963, Пл. нѣтъ, Смирд. № 10,429).

3. Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ. Спб. 1747 (Соп., № 9712, безъ имени автора, указаннаго у Евг., ч. I, стр. 206; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

4. Знанія, касающіяся вообще до философіи, для пользы тѣхъ, которые о сей матеріи иностранныхъ книгъ читать не могутъ. Спб. 1751 (Соп., № 4305; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

5. О засѣвѣ разныхъ табаковъ чужестранныхъ въ Мажой Россіи. Спб. 1763 (У Соп., Пл. и Смирд. нѣтъ. Евг. указываетъ, что это отписки статьи изъ „Ежемесячныхъ сочиненій“ 1763 года; см. Слов. св. пис., ч. II, стр. 206).

6. Письмо Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Теплова къ Президенту и Собранію Санктпетербургской Академіи Наукъ. Спб. 1765 (Соп., № 8208; у Пл. и См. нѣтъ).

7. Наставленіе сыну. Спб. 1768 (у Соп., № 6578; у него показанъ 1760 годъ, но у митр. Евг. показанъ 1768 и это должно быть вѣрно, принимая въ расчетъ лѣта сына Теплова и время отправленія его за границу для обученія; у Плав. и См. нѣтъ).

8. Птичій дворъ. Спб. 1774 (у Соп., Пл., и См. нѣтъ; указано у Евг., ч. II, стр. 207).

9. Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ доктормствомъ. Спб. 1774 (Соп., № 9557; тутъ оно обозначено сочиненіемъ Н. Т. Но Евг., ч. II, стр. 207, говорить, что это сочиненіе Г. Н. Теплова, бывшаго недовольнымъ врачами, лечившими его безъ пользы и показывать, что оно напечатано въ Москвѣ. У Пл. и См. нѣтъ).

XI.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

И. П. Елагинъ, рожденіе котораго біографы относятъ къ 1725 году, происходилъ изъ рода, выѣхавшаго въ половинѣ XIV вѣка изъ Германіи (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 10). Онъ поступилъ въ 1738 году въ кадетскій корпусъ и былъ выпущенъ оттуда въ 1743 году съ чиномъ прапорщика (Мат. Ефр., стр. 201). Есть показаніе, что онъ служилъ въ началѣ секретаремъ лейбъ-кампаніи и имѣя мало дѣла, занялся изученіемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ и разныхъ наукъ, къ чему имѣлъ блестящія способности, а между тѣмъ успѣлъ какъ-то познакомиться съ нѣкоторыми знатными людьми (Russ. Günstl., стр. 354). Онъ вскорѣ полюбился начальнику лейбъ-кампаніи, любимцу Елизаветы, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, у котораго въ 1750 году мы видимъ его адъютантомъ и уже женатымъ на бывшей камеръ-юнгферѣ императрицы (Mém. de l'Imp. Cath. II, p. 151). Онъ сдѣлался въ это время неразлучнымъ другомъ и менторомъ товарища своего по службѣ, Никиты Аванасьевича Бекетова (род. 8 сентября 1729, ум. 9 іюля 1794), новаго любимца императрицы. Оба они занимались стихотворствомъ, писали пѣсенки, клали ихъ на музыку и заставляли придворныхъ пѣвчихъ пѣть свои произведенія; изъ этого выведена была гнусная сплетня съ цѣлю погубить Бекетова, который въ 1751 году и былъ удаленъ отъ двора и переведенъ въ армію (Mém. de l'Imp. Cath. II, p. 161). И. П. Елагинъ продолжалъ служить успѣшно, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ и въ томъ числѣ, вѣроятно родственника своего, гофмейстера Андреяна Елагина, умершаго въ 1755 году (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 10). Къ пятидесятымъ годамъ должны быть отнесены главные стихотворные опыты Елагина, неизданные, но высоко цѣнившіеся современниками, такъ, что они когда-то ходили по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ (Мат. Ефр., стр. 36 и 136). У меня была, между прочимъ, оставшаяся, кажется, въ рукахъ С. Д. Полторацкаго, старинная ру-

копись, заключающая въ себѣ знаменитую оду Пирона „Къ Пріапу“ („Ode à Priape“), съ стихотворными переводами оной И. П. Елагина и Баркова, „texte en regard.“ Къ этому же времени должно отнести первую рукописную полемику И. П. Елагина съ Сумароковымъ и стихотворныя перебранки съ нимъ Ломоносова, Сукина и другихъ (Библ. зап., 1859, № 15, стр. 449—460). Съ 1757 года И. П. Елагинъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ въ петербургскихъ интригахъ князя Понятовскаго и сторонникомъ великой княгини Екатерины Алексѣевны (Russ. Günstl., стр. 354). Когда въ февралѣ 1758 года арестованъ былъ канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, заподозрѣнный въ сообществѣ съ фельдмаршаломъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинимъ, въ заговорѣ въ ея пользу, И. П. Елагинъ былъ тоже взятъ подъ стражу, какъ участникъ въ этомъ многосложномъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ Василіемъ Евдокимовичемъ Ададуровымъ и бриллиантщикомъ Бернгарди (Mém. de Cath. II, p. 311; здѣсь это событіе ошибочно отнесено къ 1759 году и сдѣлана, кромѣ того, опечатка: Елагинъ названъ „Телѣгинимъ“). Говорятъ, что дѣло это кончилось для И. П. Елагина ссылкою въ Казанское его имѣніе, гдѣ оставилъ его въ изгнаніи и Петръ III, знавшій причины его удаленія Елизаветою, и что только Екатерина II вызвала его ко двору, немедленно по своемъ воцареніи (Russ. Günstl., стр. 354). До восшествія ея на престолъ, И. П. Елагинъ имѣлъ уже чинъ полковника. (Mat. Ефр., стр. 201). По воцареніи Екатерины, И. П. Елагинъ, несмотря на то, что Орловы не очень къ нему благоволили (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 11), вѣроятно какъ къ бывшему довѣренному лицу Понятовскаго, былъ щедро награжденъ за свою ей преданность, и какъ человѣкъ умный и просвѣщенный часто былъ, допускаемъ въ общество малолѣтнаго наследника престола (см. Зап. Порошина), а императрица говорила о немъ, что онъ „хорошъ безъ пристрастія“ (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 12). И. П. Елагинъ былъ опредѣленъ тогда же, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ кабинетѣ „при собственныхъ ея величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ“, а также членомъ дворцовой канцеляріи и комиссіи о винѣ и соли, въ каковыхъ званіяхъ находимъ его еще въ 1767 году (Ibid., стр. 10; Адр. Кал., 1767, стр. 11, 103 и 123). Въ это время получилъ онъ польскую ленту Бѣлаго Орла. Ему принадлежитъ переводъ 1 и 4 главъ Мармонтелева „Велларія“, который переведился Екатериною и ея приближенными во время плаванія по Волгѣ въ 1767 году (Двор. и замѣч. люди, ч. I, стр. 67. Ibid. стр. 11). Въ іюлѣ 1768 онъ пересталъ быть у принятія челобитенъ, но оставаясь зачисленнымъ по кабинету, пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ 1-го департамента и главнымъ директоромъ надъ спектаклями и придворной музыкой (Соч. Ф.-Физ., изд. Ефр., стр. 394). Съ 8 октября 1763 по декабрь 1769 при немъ служилъ секретаремъ славный Фонъ-Визинъ (Ibid., стр. XV и XX), и въ такой же должности былъ при немъ другой комичъ, Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (бывшій въ непрерывныхъ ссорахъ съ своимъ товарищемъ (Ibid.). Въ 1773 году И. П. Елагинъ пожалованъ былъ гофмейстеромъ, и (не имѣя анненской ленты) прямо александровскимъ кавалеромъ (Слов.

дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 11). Онъ оставался управляющимъ театрами и придворной музыкой до 14 февраля 1786 года (Лѣтоп. русск. театра, Арапова, стр. 93). Имъ отправленъ былъ, въ 1767 году, за границу актеръ Дмитревскій для того, чтобы набрать для Петербурга новую французскую труппу (Русск. Арх., 1867, стр. 95); при немъ учрежденъ въ 1774 году русскій публичный театръ, основано въ 1779 году, по плану помощника его Василія Ильича Бибикова, театральное училище и открытъ въ 1783 году вновь отстроенный Титбейномъ Большой Петербургскій театръ въ Коломнѣ (Ibid., стр. 85 и 89). Въ 1788 году И. П. Елагинъ пожалованъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, чѣмъ и заключилась его служебная карьера (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 11).

О нѣкоторыхъ чертахъ характера Елагина см. у Бантыша-Каменскаго (Ibid.), Жихарева (От. Зап., 1855, № 9, отд. I, стр. 133) и Пекарскаго (Мат. для ист. лит. и журн. дѣят. Екат. II, стр. 22).

И. П. Елагинъ игралъ значительную роль въ русскомъ масонствѣ, къ которому принадлежалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Въ петербургской великой провинціальной ложѣ англійской системы, открытой 22 мая 1770, онъ первый получилъ званіе великаго мастера, съ подчиненіемъ лондонской ложѣ-матери (Новик. и Моск. Март., стр. 94). Въ началѣ 1776 года ложи Елагинской системы соединились съ ложами, основанными въ Петербургѣ по системѣ Циннендорфской и бывшими подъ управленіемъ нѣкоего Рейхеля, при чемъ и тѣ и другія приняли названіе „Соединенныхъ ложъ“ и подчинились берлинской главной ложѣ „Минерва“ (Ibid., стр. 103). Затѣмъ лѣтомъ и осенью 1777, И. П. Елагинъ принималъ участіе въ введеніи русскаго масонства въ организацію шведской масонской системы „строгаго наблюденія“ („XVIII Вѣкъ“, кн. II, стр. 370). Онъ такъ увлекался одно время тайными науками, что былъ горячимъ адептомъ извѣстнаго Калиостро, который, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1779—1780 годахъ, даже жилъ, кажется, въ его домѣ (Новик. и Моск. Март., стр. 133). Послѣ И. П. Елагина осталось множество масонскихъ книгъ и рукописей (Дополн. къ ист. масонства въ Россіи, Пекарск., стр. 22 и далѣе). Уже въ восьмидесятыхъ годахъ писалъ онъ недавно напечатанную любопытную, но къ сожалѣнію не конченную, записку о масонствѣ, преимущественно русскомъ (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 586).

Говорятъ, что И. П. Елагинъ, такъ же какъ Храповицкій, былъ сотрудникомъ Екатерины II по нѣкоторымъ ея литературнымъ произведеніямъ, слагалъ иногда стихи для ея комедій и пр. (Соч. Держ., изд. Грота, т. I, стр. 134). Есть указаніе, что онъ когда-то перевелъ всѣ комедіи Дедуша (Мат. Ефр., стр. 136); но едва ли это вѣрно, или же переводы эти не были напечатаны, ибо изданные старинные переводы Дедуша принадлежатъ А. А. Нартову (Соп. №№ 5569 и 5572). И. П. Елагину принадлежитъ неизданный переводъ французской комедіи „Jean de France“ (у митр. Евг., ч. I, стр. 211, она названа „Жанъ де Моле“), игранный 17 октября 1765 года и заслужившій похвалу императрицы (Зап. Порош., стр. 465). Споры И. П. Елагина съ Сумароковымъ не прерывались и въ это время, и доходило

до того, что за столомъ у наследника воспитателю его, графу Н. И. Панину приходилось, не шутя, разнимать ихъ (Русск. Арх., 1869, стр. 26). И. П. Елагинъ былъ главою славянофиловъ своего времени и писалъ иногда почти по-славянски; Фонъ-Визинъ въ началѣ слѣдовалъ ему, употребляя много славянскихъ словъ и „кадансированную прозу“, а другіе его послѣдователи были: М. Поповъ, И. С. Захаровъ, Якимовъ, Пахомовъ и Сидоровскій (Взглядъ на мою жизнь, И. И. Дмитр., стр. 85). На старости, именно въ 1790 году, И. П. Елагинъ началъ писать свой „Опытъ повѣствованія о Россіи“, доведенный до 1389 года (Сл. св. пис. Евг., ч. I, стр. 211). Слогъ Елагина считался многими за образцовый и ставился ими выше прозы Ломоносова (Мат. Ефр., стр. 136). Онъ былъ членомъ Россійской Академіи съ самаго ея основанія, 21 октября 1783 (Имян. спис. дѣйств. и поч. чл. Имп. Рос. Ак. по 1836 годъ, стр. 4) и Лейпцигскаго Ученаго Общества (Сл. Евг., ч. II, стр. 211).

И. П. Елагинъ умеръ 22 сентября 1796 года (по нѣкоторымъ указаніямъ 1793 года; но это кажется невѣрно). Сыновей онъ, кажется, не имѣлъ. Средняя дочь его была съ 1766 года замужемъ за Николаемъ Ивановичемъ Бутурлинымъ (Соч. Ф.-Виз. изд. Ефр., стр. 390). Другая дочь его, Марья Ивановна, умерла въ дѣвцахъ, въ 1774 году (Соч. Сумар., изд. 2, ч. IX, стр. 90).

Отдѣльно изданныя произведенія Елагина суть слѣдующія:

1. Приключенія Маркиза Г., или жизнь благороднаго челоука, оставившаго свѣтъ, соч. Аббата Прево. Пер. съ фр. 9 частей. Спб. 1756 — 1765 (Соп., № 8981; у Шав. нѣтъ; Смирд., № 9275. Изд. 2-е, 6 частей, Спб. 1780; Соп. № 8982; Пл., № 4706; у Смирд. нѣтъ. Изд. 3-е, 6 частей, Спб., 1793: Соп. № 8983; у Пл. нѣтъ; у См. № 9275 названо 2-мъ изданіемъ и показано 8 частей; но части 7 и 8 суть присовокупленный къ этой въ 1790 году переводъ неизвѣстнаго повѣсти Прево „Исторія Маноны Леско; см. Соп., № 8984. Первые четыре части „Маркиза Г.“ переведены И. П. Елагинимъ, а двѣ послѣднія — секретаремъ его В. И. Лукинымъ; см. соч. Лукина, изд. Ефр., стр. XI).

2. Безбожный, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Браве. Пер. съ нѣм., въ прозѣ. Спб. 1771. (Соп., № 11862; у Пл. и См. нѣтъ. Изд. 2-е, у Соп., № 11,863, подъ 1787 годомъ; у Пл., № 6122, подъ 1786 и 1787 годами; у Смирд., № 6870 показано 1-е изданіе 1786, а 2-е изданіе 1787 года).

3. Мизантропъ, или Нелюдимъ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Мольера, пер. съ фр., въ прозѣ. М. 1788 (Соп., № 5451; № 5722; у См. нѣтъ. „Въ Драм. Слов.“, 1787 года, стр. 79 сказано, что этотъ переводъ сдѣланъ въ 1757 году и игрался на сценѣ; но вѣроятно до 1788 года онъ не былъ напечатанъ).

4. Опытъ повѣствованія о Россіи; часть I, въ 3 книгахъ. М. 1803 (Соп., № 7859; Пл. № 2701; См., № 2412. Напечатана послѣ смерти автора и доведена до кончины Владиміра I Святославича. Всего написано было авторомъ 5 частей въ 15 книгахъ по 1389 годъ; послѣднія четыре части сохранились въ рукописи; см. Слов. св. пис. митр. Евг., ч. I, стр. 212).

М. Н. Лонгиновъ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій по бумагамъ Пажескаго е. и. в. Корпуса. Перечитывая наши свѣдѣнія о жизни русскихъ замѣчательныхъ людей, мы постоянно должны сознаваться въ неполнотѣ, неточности, а часто и въ невѣрности этихъ свѣдѣній; такъ что очень рѣдко удается безъ видимой натяжки объяснить внѣшнюю дѣятельность этихъ людей вліяніемъ жизненной обстановки. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ тамъ, гдѣ онъ вредитъ всего болѣе — въ жизнеописаніяхъ нашихъ писателей. Не говоря уже о писателяхъ второстепенныхъ, въ жизни первоклассныхъ авторовъ для насъ много тѣмнаго, загадочнаго: чаще мы знаемъ только внѣшнюю сторону ихъ жизни, внутренняя же едва отрывочно долетаетъ до насъ по сохранившейся перепискѣ или по воспоминаніямъ лицъ, близко знавшихъ писателя. Но на послѣдній источникъ, къ несчастію, не всегда можно смѣло положиться: даже и крупная внѣшняя событія, имѣвшая сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе замѣчательнаго лица, иногда, по разнымъ причинамъ, передаются ими несовѣтмъ вѣрно, и мы, такимъ образомъ, лишаемся возможности сдѣлать истинную оцѣнку какъ событія, такъ и самой личности писателя въ данную эпоху его жизни. Это все случилось и съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей пушкинскаго періода — съ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ.

Поэтъ, отвергшій истину изъ боязни, чтобы „узнавъ людей“ не разлюбить „и ближнихъ и друзей“, — сказавшій, <что смотритъ съ тоской на самую радость>, — которому

«Все мнится, счастливъ я ошибкой

И не къ лицу всеселье мнѣ»

и говорившій на одну и ту же тему впродолженіе всей своей жизни, долженъ былъ глубоко страдать.

Самъ Баратынскій и всѣ писавшіе о немъ единогласно показываютъ, что одной изъ важнѣйшихъ причинъ этихъ страданій было пребываніе поэта въ пажескомъ е. и. в. корпусѣ и печальное приключеніе, повлекшее за собою исключеніе Баратынскаго изъ этого заведенія.

До того времени, когда въ „Русскомъ Архивѣ“ (1868 г. стр. 147) обнародовано было письмо Евгенія Абрамовича къ Жуковскому, въ обществѣ ходили объ этомъ происшествіи разнородные толки. Теперь, благодаря этому письму, мы имѣемъ объ этомъ печальномъ проступкѣ разсказъ самого Баратынскаго вмѣстѣ съ его личнымъ взглядомъ на фактъ и съ причинами, его вызвавшими.

Но сличая это письмо съ официальными бумагами, хранящимися въ канцеляріи пажескаго е. и. в. корпуса, я замѣтилъ, что, несмотря на всю кажущуюся искренность и задушевность, это письмо нѣсколько несогласно съ официальными свѣдѣніями. Это едвали не будетъ понятно, если мы припомнимъ, что цѣль письма Баратынскаго къ Жуковскому — сообщить данныя, на основаніи которыхъ послѣдній могъ бы ходатайствовать о прощеніи Баратынскаго.

Пятьдесятъ три года прошло со времени исключенія Баратынскаго изъ пажескаго корпуса, двадцать пять лѣтъ со дня его кончины; редакція „Русскаго Архива“ собрала матеріалы для полной

біографіи поэта *); а между тѣмъ въ напечатанныхъ свѣдѣніяхъ о проступкѣ Баратынскаго и объ его жизни въ пажескомъ корпусѣ встрѣчаются невѣрности, которыя, вошли и въ обѣщанную „Рус. Арх.“ біографію. Вотъ что заставило меня написать эту замѣтку.

Бумагами пажескаго Е. И. В. корпуса исправляется, во-1-хъ, ошибка въ возрастѣ Евгенія Абрамовича во время печальнаго событія.

Въ письмѣ къ Жуковскому Баратынскій относитъ это къ 14-лѣтнему возрасту, говоря: „Вспомните, что въ то время не было ему 15-ти лѣтъ“. Тоже самое повторили Н. В. Путьята, М. Н. Лонгиновъ. Жуковскій въ письмѣ къ князю Алек. Никол. Голицыну даже самую „выписку“ Баратынскаго изъ корпуса, относитъ на цѣлый годъ раньше дѣйствительной (1815 вм. 1816-го).

Въ спискахъ пажей е. и. в. корпуса и приказахъ по корпусу значится, что Евгеній Баратынскій, сынъ генераль-лейтенанта, опредѣленъ въ пажескій корпусъ высочайшимъ указомъ 7-го сентября 1810 года съ оставленіемъ въ домѣ родителей; въ корпусъ явился въ концѣ декабря 1812 г., и зачисленъ пансіонеромъ на своемъ содержаніи въ отдѣленіи штабсъ-капитана Кристофовича; во всеподданнѣйшемъ рапортѣ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, генераль-лейтенанта Клингера, поданномъ государю 22 февраля 1816 г., съ изложеніемъ проступка Баратынскаго, показано послѣднему 16-ть лѣтъ; исключенъ изъ пажескаго корпуса, по высочайшему повелѣнію, 15 апрѣля 1816 года (Баратынскій родился въ сентябрѣ, т.-е. ему было тогда 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ).

Баратынскій, обвиняя въ несправедливости къ нему начальника того отдѣленія, въ которое поступилъ, приписываетъ ему первую причину своего несчастія. Онъ говоритъ, что вскорѣ по поступленіи его въ корпусъ, начальники стали смотрѣть на него, какъ на негодая, и что это-то заставило его сказать самому себѣ: „буду же шалуномъ на самомъ дѣлѣ“. Вотъ его слова о первомъ годѣ корпусной жизни:

«Начальникомъ моего отдѣленія былъ тогда нѣкто Кр—вичъ (онъ теперь уже покойникъ, чѣмъ на бѣду мою еще не былъ въ то время), человекъ во всемъ ограниченный, кромѣ страсти своей къ вину. Онъ не полюбилъ меня съ перваго взгляда, и съ перваго же дня вступленія моего въ корпусъ уже обращался со мною, какъ съ записнымъ шалуномъ. Ласковый съ другими дѣтьми, онъ былъ особенно грубъ со мною. Несправедливость его меня ожесточила: дѣти самолюбивы не менѣе взрослыхъ; обиженное самолюбіе требуетъ мщенія, и я рѣшился отмстить ему. Большими каллиграфическими буквами (у насъ былъ порядочный учитель каллиграфіи *) написалъ я на лоскутѣ бумаги пѣяница, и прилѣпилъ его къ широкой спинѣ моего непріятеля. Къ несчастію нѣкоторые изъ моихъ товарищей видѣли мою шалость и, какъ по нашему говорится, на меня доказали. Я просидѣлъ три дня подъ арестомъ, сердясь на самого себя и проклиная Кр—ча». (Письмо къ Жуков., Русск. Арх. 1868 г., № 1).

Какъ ни кажется естественнымъ и искреннимъ это признаніе въ шалости и указаніе корня дальнѣйшихъ проказъ Баратынскаго, но я

*) См. новое изданіе соч. Баратынскаго. 1868 г. стр. 391—519.

**) Учителемъ каллиграфіи былъ тогда титул. совѣт. Станкевичъ. Пр. Маже.

позволяю себѣ думать, что если и была эта шалость и трехдневный арестъ, то далеко не въ первые мѣсяцы корпусной жизни Евгенія Абрамовича.

Сохранившіеся ежемѣсячные кондуктныя списки пажей показываютъ, что Баратынскій былъ аттестованъ въ первый разъ своимъ отдѣленнымъ начальникомъ, штабсъ-капитаномъ Христофовичемъ, къ 1 марта 1813 года, слѣдующимъ образомъ:

„Баратынскій — 13 лѣтъ, вступилъ въ корпусъ 1812 года, поведенія хорошаго, нрава хорошаго, опрятенъ, штрафованъ не былъ, греческаго закона, 4-го класса“. Такая аттестація была въ то время самою лучшею въ 4-мъ классѣ и изъ отдѣленія въ 30 человекъ, въ которомъ былъ Баратынскій, ее заслужили только 18 пажей.

Такой отзывъ Христофовича о Баратынскомъ повторяется неизмѣнно до 1 іюля 1813 года. Съ 1 іюля 1813 по 1 февраля 1814 года кондуктныхъ списковъ пажей въ корпусѣ не сохранилось и потому можно бы думать, что описанная шалость и наказаніе Баратынскаго именно и случились въ это время. Но вскорѣ послѣ іюля Христофовичъ заболѣлъ и высочайшимъ указомъ 15 окт. уже уволенъ отъ службы за болѣзнію капитаномъ, съ мундиромъ. Баратынскій попалъ въ отдѣленіе капитана Мацнева, который измѣняетъ аттестацію о Баратынскомъ, сдѣланную Христофовичемъ только тѣмъ, что пишетъ: вмѣсто нрава хорошаго — нрава добраго, и показывать его уже въ 3-мъ классѣ. Эта аттестація, повторяемая Мацневымъ изъ мѣсяца въ мѣсяць до 1 сентября 1814 года, заставляетъ предположить, что и въ промежутокъ отъ 1 іюля 1813 до 1 февраля 1814 года никакой крупной шалости не было замѣчено за Баратынскимъ, иначе едва ли бы онъ такъ скоро снова заслужилъ такіе отзывы. Капитанъ Мацневъ страдалъ чахоткой, и 1 сентября пажей его отдѣленія аттестуетъ капитанъ Десимонъ, повторившій тотъ же благопріятный отзывъ о Баратынскомъ. Въ этотъ-то сентябрь и произошла рѣзкая переменъ въ отзывахъ о немъ; къ 1 октября Десимонъ отзывается о Баратынскомъ, что онъ „поведенія и нрава дурнаго“, но и въ этотъ мѣсяць Евгеній Абрамовичъ подъ штрафомъ не былъ. Къ 1 ноября Мацневъ нѣсколько оправившись отъ болѣзни, аттестуетъ Баратынскаго поведенія и нрава дурнаго и бывшимъ подъ штрафомъ. Такимъ образомъ, это случилось въ самомъ концѣ второго года корпусной жизни Евгенія Абрамовича. Къ 1 декабря Десимонъ показываетъ, что поведеніе его поправляется, а нрава онъ изряднаго, штрафованъ не былъ. Тоже самое идетъ вплоть до марта 1815 года, когда Баратынскій аттестованъ Десимономъ примѣрнымъ по поведенію и праву; но къ 1 мая снова только изряднаго поведенія; за слѣдующіе три мѣсяца — поправляется; за августъ поправляется поведеніемъ, нрава скрытнаго и былъ штрафованъ. Такъ продолжается до 1 февраля 1816 года, разница только въ томъ, что „былъ штрафованъ“, „не былъ штрафованъ“ — это идетъ періодически черезъ мѣсяць. Къ 1 марта Баратынскій показанъ уже „нечислящимся въ числѣ пажей“.

Изъ этой выписки видно, что если и дѣйствительно сдѣлана была Баратынскимъ разсказанная шалость (въ чемъ, повторяю, сильно сомнѣваюсь), то во всякомъ случаѣ онъ не могъ жаловаться на то, будто бы вслѣдствіе этой шалости онъ, еще не сдѣлавшись шулуномъ, былъ уже негоднѣемъ во мнѣніи своихъ начальниковъ. Не забудемъ, что до іюля офицеръ, на несправедливость котораго онъ жалуется и котораго называетъ своимъ непріятелемъ, отзывается о немъ вполне удовлетворительно и ни разу не подвергаетъ взысканію, а 15 окт. этотъ офицеръ уже уволенъ высочайшимъ указомъ по болѣзни, слѣдов. дѣйствительно оставилъ службу не позднѣе конца августа; двое новыхъ начальниковъ продолжаютъ аттестовать Баратынскаго хорошо, чего не могло бы быть, еслибы Баратынскій сдѣлалъ такую шалость, которая заставила бы начальство смотрѣть на него, какъ на негодяя. Только по истеченіи почти двухъ лѣтъ съ своего опредѣленія въ корпусъ Баратынскій показанъ дурнымъ по поведенію и нраву, но и эту аттестацію его начальники черезъ два мѣсяца замѣняютъ „поправляется“, а далѣе ставятъ его примѣрнымъ по поведенію. Это лучше всего оправдываетъ послѣдующіе отзывы о Баратынскомъ, что онъ былъ нрава скрытнаго, что и подтверждаетъ самъ Баратынскій въ письмѣ къ Жуковскому, когда говоритъ о составленномъ имъ обществѣ тайныхъ мстителей, имѣвшее цѣлю сколько возможно мучить своихъ начальниковъ. Это общество, по словамъ Баратынскаго, составилось изъ пяти человекъ. Изъ дѣла о Баратынскомъ видно, что онъ находился преимущественно въ дружескихъ отношеніяхъ изъ своего отдѣленія съ пажами Ханыковымъ 3-мъ и Приклонскимъ, и изъ отдѣленія капитана Гине съ пажами двумя братьями Креницынскими.

Въ январѣ 1816 года Баратынскому и старшему Креницыну было по 16-ти лѣтъ, Ханыкову и Креницыну 2-му по 15-ти, Приклонскому 14 лѣтъ; аттестованы они были:

Баратынскій — поведеніемъ поправляется, нрава скрытнаго.

Ханыковъ 3-й — поведенія изряднаго, нрава веселаго.

Приклонскій — повед. шаливаго, нрава веселаго и упрямаго; не всегда опрятенъ.

Креницыны оба — повед. посредственнаго, нрава вспыльчиваго.

Такъ составленное общество, поставившее цѣлю своего существованія вражду къ начальству, выражавшуюся обрѣзываніемъ фалды офицерамъ, прибаваніемъ къ огнямъ шляпъ учителей, всыпаніемъ шанскихъ мухъ въ табакерку инспектора *), усвоило себѣ, какъ говоритъ Баратынскій, старокадетскій взглядъ на собственность; взглядъ, по которому, продолжая словами Евгенія Аврамовича, только то называется кражею, что похищается у своихъ, а остальное почитаютъ законнымъ приобрѣтеніемъ (*des bones prises*). Такое возрѣніе и было причиной катастрофы, разсказанной самимъ Баратынскимъ въ письмѣ къ Жуковскому. Чтобы

*) Полковникъ Одесіонъ.

Прим. Маежкова.

возстановить вполнѣ это печальное событіе, я приведу всеподданнѣйшій рапортъ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генераль-лейтенанта Клингера, представленный императору Александру кн. А. Н. Голицыннмъ:

«Его императорскому величеству генераль-лейтенанта Клингера всеподданнѣйшій рапортъ.

Пажескаго вашего императорскаго величества корпуса пажи Ханыковъ и Баратынскій, по прежнему дурному поведенію изъ корпуса, къ родственникамъ ихъ, не отпускались. По замѣченному же въ нихъ раскаянію и исправленію въ поведеніи, начальство корпуса къ поощренію ихъ къ дальнѣйшему исправленію, желая изъяснить имъ, что прошедшіе ихъ проступки предастъ забвенію, рѣшилось отпустить ихъ къ родственникамъ на масляницу; но они вмѣсто того, чтобы идти къ родственникамъ съ присланными за ними людьми, съ конями изъ корпуса отпущены были, пошли къ камергеру Приклонскому, по знакомству ихъ съ сномъ его пажемъ Приклонскимъ, и вынули у него изъ бюро черепаховую въ золотой оправѣ табакерку и 500 рублей ассигнаціями. Директоръ корпуса *), воль скоро о семъ узналъ, послалъ гофмейстера на придворный прачечный дворъ къ кастеляншѣ Фрейгаптъ, у которой по порученности отъ матери находились, по случаю масляницы, два пажа Креницны, у коихъ, по извѣстной по корпусу между ними связи, предполагали найти и упомянутыхъ пажей Ханыкова и Баратынскаго, какъ дѣйствительно и оказалось.

Пажи сіи по приводѣ ихъ въ корпусъ, посажены будучи подъ арестъ въ двѣ особыя комнаты, признались, что взяли упомянутыя деньги и табакерку, которую изломавъ, оставили себѣ только золотую оправу, а на деньги купили разныхъ вещей на 270, прокатали и пролякомпили 180, да найдено у нихъ 50 рублей, кои вмѣстѣ съ отобранными у нихъ купленными ими вещами возвращены г. камергеру Приклонскому. По важности таковаго проступка пажей Ханыкова и Баратынскаго, изъ коихъ первому 15 лѣтъ, а другому 16 лѣтъ отъ роду, я, не приступая къ наказанію ихъ, обязанностию себѣ поставлю вашему императорскому величеству всеподданнѣйше о семъ довести. Подлинное подписаль: генераль-лейтенантъ Клингеръ.

№ 108. Февраля 22 дня 1816 года.

Изъ этого рапорта еще разъ можно убѣдиться, что письмомъ Баратынскаго къ Жуковскому, какъ имѣющимъ цѣлю по возможности смягчить проступокъ, можно пользоваться съ крайнею осторожностью.

Отобранныя у Баратынскаго, какъ и у Ханыкова, деньги и вещи показываютъ, что и онъ имѣлъ свою долю въ дѣлежѣ и тѣмъ очень противорѣчатъ словамъ его письма: «сверхъ того, не болѣе ли своевольства въ его поступкѣ?... онъ же не оставилъ у себя ни копейки изъ похищенныхъ денегъ, а всѣ ихъ отдалъ своимъ товарищамъ».

Притомъ душевныя страданія, продолжавшіяся всю жизнь Баратынскаго даже въ самыя счастливыя минуты, сердечная боль, слѣды которой такъ замѣтны въ его произведеніяхъ, совершенно объясняются только тѣмъ, что его проступокъ не былъ совершенъ имъ изъ безсознательной шалости, изъ одного своевольства, а напротивъ былъ слѣдствіемъ глубокой нравственной распущенности, въ которой на-

*) Генераль-майоръ Гогель.

Прим. Максимова.

ходился тогда Евгеній Абрамовичъ, и нравственнаго просвѣтлѣнія въ которомъ находился остальную жизнь.

Въ шалостяхъ Баратынскаго, сдѣланныхъ во время пребыванія его въ пажескомъ корпусѣ, относить печатно (Кеннгъ, Кичеевъ) участіе и инициативу въ очень крупной шалости—освѣщеніи ночью католической церкви пажескаго корпуса. Г. Кичеевъ въ «Воспоминаніяхъ о Баратынскомъ», котораго, по его словамъ, зналъ лично и коротко, говорить, что ему рассказывалъ объ этомъ самъ Баратынскій. «Вотъ слова П. Г. Кичеева (Русс. Архивъ 1868, № 4 и 5):

«Не скрылъ отъ меня Евгеній Абрамовичъ и одной, хотя безвредной, но удивительной проказы въ бытность его въ пажескомъ корпусѣ». И далѣе г. Кичеевъ рассказываетъ со словъ Баратынскаго, какъ онъ вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ пробрался на чердакъ католической церкви пажескаго корпуса и въ полночь зажегъ тамъ всѣ лампы и свѣчи. Это надѣлало большого шума, но виновныхъ не нашли. Въ выноскѣ г. Кичеевъ подтверждаетъ, что онъ передаетъ это со словъ самого Евгенія Абрамовича.

Нисколько не отрицая послѣдняго факта, т.-е., что г. Кичеевъ слышалъ объ участіи Евгенія Абрамовича въ этой проказѣ, даже отчасти объясняя себѣ и причину этого разсказа Баратынскаго, я долженъ сказать положительно, что Евгеній Абрамовичъ не принималъ въ этой шалости не только главенства, но и никакого участія, такъ какъ по бумагамъ пажескаго корпуса видно, что освѣщеніе ночью католической церкви случилось 23 апрѣля 1820 года, т.-е. четыре года спустя послѣ исключенія Баратынскаго. Кстати должно замѣтить, что это освѣщеніе католической церкви едва ли справедливо г. Кичеевъ называетъ проказой безвредной. Въ канцеляріи пажескаго корпуса сохранилось подлинное дѣло, производившееся по высочайшему повелѣнію, переданному на другой же день письменно директору пажескаго корпуса генераль-майору Гоголю главнымъ директоромъ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ графомъ Коновницкимъ. Изъ этого дѣла видно, что розыскъ начался съ того, что разсидили по отдѣльнымъ мѣстамъ до разрѣшенія гр. Коновницына: перваго замѣтившаго огонь въ церкви деньщика подполковника Албычева (корпусный офиц.) и сторожа католической церкви, коего жену съ груднымъ ребенкомъ оставили на квартирѣ за пристомомъ же полицейскаго солдата. Но несмотря на всѣ старанія, вызванныя высочайшимъ повелѣніемъ, виновныхъ не найдено. Директоръ же былъ того мнѣнія, что это сдѣлалъ или самъ сторожъ церкви по какому либо суевѣрію, или кто-либо изъ домашнихъ его, такъ какъ въ церковь нельзя никакъ попасть иначе, какъ черезъ двери, а ключи найдены были на ихъ обыкновенномъ мѣстѣ. Тѣмъ это и кончилось.

Повторяю, я не только вѣрю, что г. Кичееву рассказывалъ о своемъ участіи въ этой шалости самъ Баратынскій, но и отчасти могу себѣ объяснить и причину этого разсказа. Вотъ моя догадка. Вѣроятно, Баратынскій по этой шалости и другимъ подобнымъ хотѣлъ выставить себя болѣе шалуномъ, и заставить тутъ искать причину своего исключенія изъ пажескаго корпуса. Во всякомъ слу-

чаѣ я думаю, что эта шалость была разсказана Баратынскимъ г. Кичеву раньше, чѣмъ истинная причина исключенія изъ корпуса.

Николай Максимовъ.

Письмо артиллерійскаго подпоручика Бонапарта, (впослѣд. императора Наполеона I) 12 іюня 1789 г.

Въ двадцатыхъ числахъ марта 1813 г., французскія войска (корпусъ генерала Морана) были на-голову разбиты на лѣвомъ берегу Эльбы, при Люнебургѣ, отрядомъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала А. Чернышева. Моранъ былъ раненъ. Весь его штабъ, 100 офицеровъ, 2900 солдатъ, 9 пушекъ и всѣ бумаги генерала Морана достались въ руки побѣдителей. Въ числѣ бумагъ найдено чрезвычайно любопытное письмо, за собственноручною подписью Наполеона Бонапарта къ генералу Паоли, бывшему правителемъ Корсики. Письмо относится къ 1789 году, когда будущій повелитель Франціи былъ еще простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, никогда не мечтавшимъ о томъ великомъ жребіи, который ему готовила судьба. Въ этомъ частномъ письмѣ, котораго, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни въ одномъ собраніи писемъ и бумагъ Наполеона I,—онъ высказывается какъ заклятый врагъ французовъ и пылкій корсиканскій патріотъ, сомнѣвающійся въ своей будущности и готовый принести себя въ жертву за свободу своей родины.

Помимо обще-историческаго значенія этого документа, онъ относится, непосредственно, не только къ Франціи, но и къ Россіи, характеризуя личность человѣка, по волѣ котораго нашему отечеству пришлось пережить столько тяжелыхъ и въ тоже время славныхъ, незабвенныхъ дней, обновиться въ московскомъ пожарѣ и въ лицѣ своего монарха возвѣстити миръ народамъ Европы.

Генералъ Чернышевъ въ Р. С. къ рапорту отъ 24 марта 1813 г. изъ Буатценбурга, пишетъ:

„Осмѣливаюсь приложить къ этому письму, ваше величество, два весьма любопытныхъ документа: одинъ изъ нихъ—письмо, написанное въ 1789 году Наполеономъ Бонапартомъ, артиллерійскимъ офицеромъ régiment de la Ferre, генералу Марбёфу (Marbouf), дающее уже понятіе о человѣкѣ, и найденное мною между бумагами генерала Морана (Morand), бывшаго губернатора Корсики“ *).

Въ этой припискѣ Чернышевъ, какъ намъ весьма обязательно сообщила П. А. М.—въ, дѣлаетъ грубую ошибку. Письмо Наполеона положительно писано не къ Марбёфу, а къ Paoli (Pascal, род. въ 1726). Это тотъ самый Паоли, который въ 1755 г. сталъ во главѣ правленія своего отечества Корсики и, образовавши маленкій флотъ, весьма успѣшно боролся съ владыками Корсики—генуезцами. Послѣ мира, заключеннаго генуезцами въ 1761 г.,—Паоли обратилъ на себя

*) „J'ai l'honneur d'adresser à votre majesté sous ce pli, deux pièces, très-curieuses: l'une d'elles est une lettre, écrite en 1789 par Napoléon de Bonaparte, officier d'artillerie au régiment de la Ferre, au G-l Marboeuf, qui fait déjà connaître l'homme, et que j'ai trouvé parmi les papiers du général Morand, qui a été ci-devant gouverneur de la Corse“.